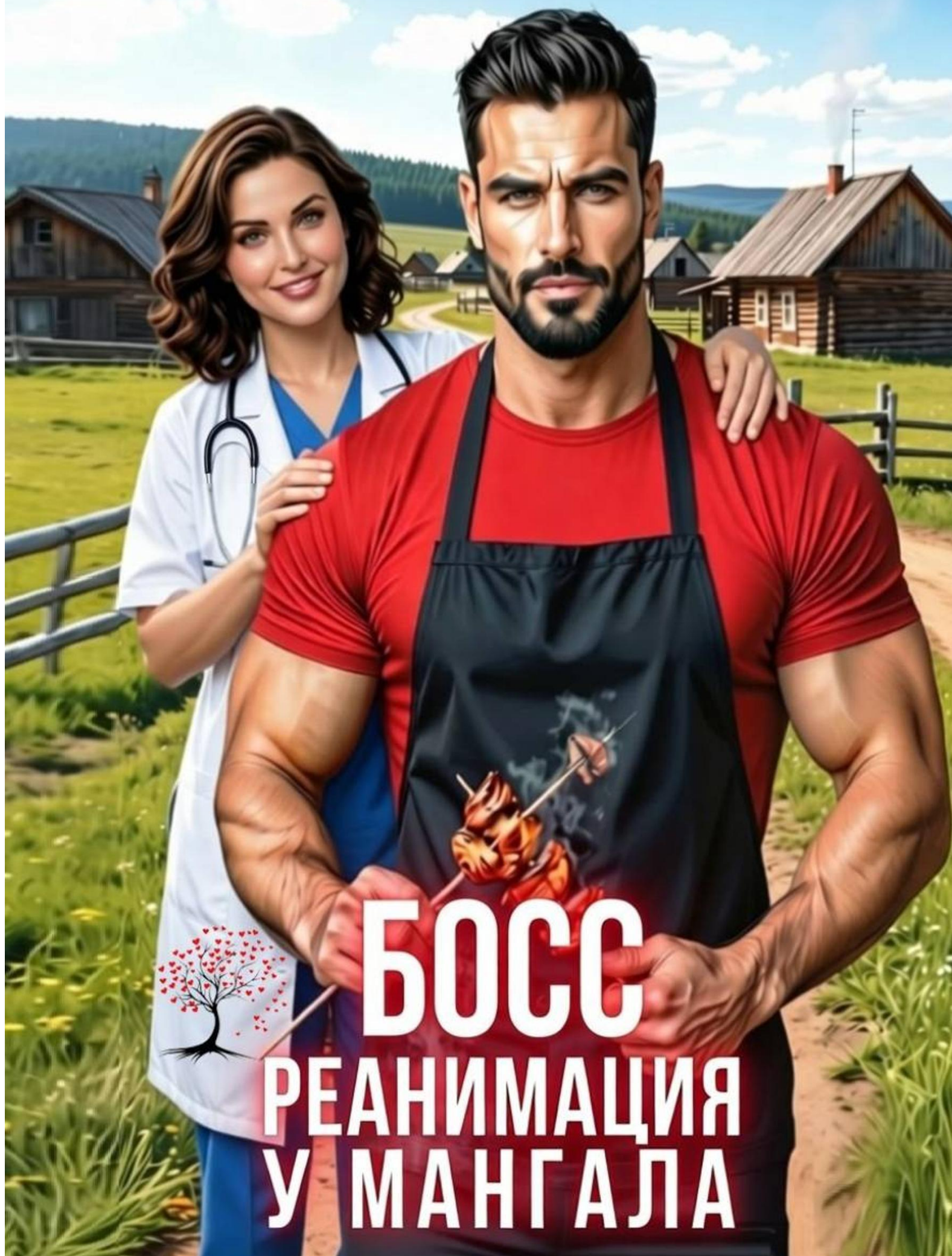

Лайза Фокс

БОСС
РЕАНИМАЦИЯ
У МАНГАЛА

Клиника. Детская областная

Лайза Фокс

БОСС. Реанимация у мангала

«Автор»

2026

Фокс Л.

БОСС. Реанимация у мангала / Л. Фокс — «Автор»,
2026 — (Клиника. Детская областная)

Помогая тёте Римме, я натягивала простынь в соседнем доме. Стояла на четвереньках. На чужой кровати. В чужой спальне.— Вы кто? За мной стоял высокий мускулистый брюнет. В тёмно-синей рубашке с закатанными рукавами и дорогих брюках, которые совершенно не подходили для деревенского дома.— Я... Э-э-э... — Я откинула надоедливую прядь волос назад. — Я с бельём.— Вижу, что с бельём, — повторил он без выражения. — Всё-таки у вас село. В сервисе высокого уровня, сразу без белья. Мои щёки стали пунцовыми. Он перепутал меня с этой, которая безо всякой социальной ответственности. Я шмякнулась на пятую точку и натянула тунику до колен. При этом начал съезжать вниз край декольте. Он двинулся в мою сторону. А я, поняв, что ничего вразумительного объяснить не смогу этой горе тестостерона, ойкнула и рванулась к разделяющей наши половины дома двери. — От меня не убежишь! — смеялся за моей спиной брюнет. Реаниматолог Юль Васильна. Деревня без связи и дорог. Богатый сосед. Три. Два. Один. Поехали!

© Фокс Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

В постели	5
Постель не ждёт	7
Заправка	10
Пододеяльник	12
Ужин	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лайза Фокс

БОСС. Реанимация у мангала

В постели

— Юлька! Летит!

Тётя Римма рывкнула это над моим ухом так неожиданно, что я отшатнулась. Задела ногой ведро и вся грязная вода от мытья полов в доме, вылилась мне на свободные, похожие на пижамные, брюки.

— Ух ты! – вскрикнула я и швырнула тряпку на крыльцо.

— Первый раз вижу, чтобы в таких случаях выражались цензурно.

— В детской реанимации и не так научишься, – буркнула я. – Вы чего хотели, тётя Римм?

Украдкой я рассматривала ноги. Штаны было не спасти. Они до колен были мокрыми и грязными. Я прикидывала, во что можно переодеться, но в голову ничего не приходило.

Тётя Римма приняла моё молчание за безотказность и затараторила:

— Юль, дело на сто мильёнов! Сосновский сегодня прилетит! А связи не было, так я ничего не успела! Полы притёрла, а еду не поспеваю! Рулет в духовку сунула, но этим же не обойдётся! Им же подавай первое, второе, третье и компот.

Я огляделась по сторонам. Хоть крыльцо и было высоким, но деревья надёжно закрывали меня и от глаз сельчан. Поэтому я одёрнула пониже тунику и начала стягивать брюки.

— Компот, это уже третье, тётя Римм.

— Да какая разница? Компот, не компот, а не поспеваю я. – Тётя Римма тоже огляделась так, словно собиралась передавать мне контрабанду горючего характера, за которой охотился дядя Витя. — Выручай, Юленька! Только тебе и могу довериться. Сходи во вторую половину, застели постельное, а?

— Я никуда не пойду, — сказала я, вытирая мокрые ноги сухой частью брюк. – Мне не в чем. Видите – я показала руками на прикрывающую только верхнюю часть бёдер ткань туники. – На ноги ничего нет. Ну, не голой же мне идти?

— Так ты же в платье!

— В футболке.

— Она как платье. Я в таком на танцы не ходила. Слишком длинное. – Лицо тётя Риммы стало сначала мечтательным, а потом резко умоляющим. – Ну, Юль, ну чего тебе стоит? Сбегай по быстренькому, а?

Я уже открыла рот, чтобы отказать, но тут в воздухе зашумело. Тётя Римма ойкнула, сунула мне в руки увесистый пакет и побежала в сторону улицы.

— Юлька, я тебя не забуду! У меня рулет сырой, а у него этот, как его, перфекционизм! Если не постирано с лавандой, сразу в обморок хлопается.

Я хотела спросить, с какого перепугу заезжий богач будет нюхать постельное бельё. Но тётя Римма уже грохнула калиткой и понеслась вдоль забора, одёргивая поднимающийся от бега сарафан.

— И застели гладенько, – бросила она уже на бегу. – А то у меня рулет!

— Вот дрянь! – выругалась я в пустоту.

Подняла ведро, сполоснула ноги чистой водой из бутылки, вытерла полотенцем и вошла в дом, подхватив пакет с бельём. Обходить по улице в короткой тунике я не решилась.

Взяла ключ с верхней перекладины дверного наличника в дальней комнате. Отперла замок и шагнула на половину Сосновских. Тут всё было так же, как при жизни бабушки Люды. Только пирогами не пахло. Зато салфетки были на месте.

Я шагнула к кровати. Улыбнулась. Всегда любила заправлять постели. Это успокаивало. После детской реанимации, где всё решают секунды, ровные симметричные складки и натянутая ткань казались маленькой победой порядка над хаосом.

И сейчас сделаю идеально. Я скинула покрывало. Достала из пакета свежий комплект белья. Приятная голубая бязь с еле заметным тонким рисунком, лавандовое саше. Тётя Римма не врала про перфекционизм. Удивительно.

Я надела простыню на угол, потом на второй. Разгладила. Заправила края под матрас. И тут мне понадобилось залезть на кровать, чтобы дотянуться до кромки вдоль стены.

Встав коленями на матрас, я сантиметр за сантиметром закрепляла простыню, заталкивая как можно глубже. Чтобы заправить дальний угол, опёрлась на руку, встала на четвереньки. Приставными шагами двигалась вдоль края, подворачивая ткань одинаковой длины.

Простыня сопротивлялась. Я фырчала, откидывала выбивающиеся из хвоста каштановые пряди назад. И когда уже почти закончила, услышала за спиной скрип половицы.

— Вот это сервис. Деревня, а прогрессивная. Не курорт, но тоже всё включено.

Очень медленно я повернула голову. За мной стоял высокий мускулистый брюнет. В тёмно-синей рубашке с закатанными рукавами. В дорогих брюках, которые совершенно не подходили для деревенского дома.

Его каре-зелёные глаза смотрели на меня со смесью любопытства, удивления и высокомерия. Словно он обнаружил в своей ванной нерпу. Тем более, что по габаритам я подходила.

Я всё ещё стояла на четвереньках. На чужой кровати. В чужой спальне.

— Вы кто? — спросил он.

— Я... э-э-э... — Я откинула надоедливую прядь волос назад. — Я с бельём.

— Вижу, что с бельём, — повторил он без выражения. — Всё-таки у вас село. В сервисе высокого уровня, сразу без белья.

Мои щёки стали пунцовыми. Он перепутал меня с этой, которая безо всякой социальной ответственности. Я шмякнулась на пятую точку и натянула тунику до колен. При этом начал съезжать вниз край декольте, и я замерла.

Брюнет внимательно меня оглядел. Перевёл взгляд на кровать. Я тоже посмотрела. Простыня была натянута идеально.

— Вы хорошо смотрите в постели. Возможно, этот отпуск не будет таким скучным, да? — сказал он, приподняв бровь.

— Это ошибка! Сейчас придёт тётя Римма и вас накормит.

— Накормит? — незнакомец самодовольно ухмыльнулся. — Не знал, что голоден, а сейчас совершенно точно хочу сладкую булочку.

Он двинулся в мою сторону. А я, поняв, что ничего вразумительного объяснить не смогу этой горе тестостерона, ойкнула и рванулась к разделяющей наши половины дома двери.

— Девушка, вернитесь, вы постель не постелили.

Я обернулась у двери.

— Вы мне не начальник, чтобы указывать. Я соседке помогаю, а не в горничные записалась.

Открыв дверь, я рванула на нашу половину.

— От меня не убежишь, — смеялся за моей спиной брюнет.

Постель не ждёт

Я влетела в свою половину дома, как бешеный носорог. Захлопнула дверь, повернула ключ в замке дважды, но вынимать не стала. Привалилась к двери спиной, лоя ртом воздух.

Сердце колотилось где-то в горле. Ладони горели. Необъятная грудь колыхалась в такт шумному быстрому дыханию. Щёки полыхали от стыда. Я сжала кулаки от досады, с трудом удерживаясь, чтобы не колотить кулаками в стену.

Со стороны Сосновских постукали. Я едва не застонала от разочарования. Затихла, делая вид, что ушла, ну или свалилась в глубоком обмороке, не в силах открыть ему дверь. Мужчина не поверил.

Он снова постучал. Я тихонько вынула ключ из замка. Положила его на верхнюю планку наличника двери. На цыпочках вышла во вторую комнату, а уже оттуда, бегом на крыльцо, едва не сбив с ног бабушку.

— Юля? – баба Тоня поправила на носу очки и растёрла худенькое бедро, в которое я впечаталась с размаху. – Ты чего как ошпаренная?

— Ничего, ба, – выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Тётя Римма попросила бельё отнести в соседскую половину и постель перестелить.

— А чего так быстро? Ты же только зашла.

Я открыла рот, и тут же его закрыла.

Потому что как объяснить бабушке, что я только что стояла на четвереньках на чужой кровати в одной тунике без штанов, а какой-то наглый богач с каре-зелёными глазами назвал меня «сладкой булочкой»?

— Там всё быстро, – сказала я. – Застелила и пришла.

— Голос у тебя какой-то странный, – бабушка покачала головой, вытирая руки о фартук. – А почему такая красная?

— Жарко, – соврала я. – На улице пекло.

Бабушка посмотрела на меня поверх очков. У неё был взгляд, от которого нельзя спрятаться. Лучше рентгеновской установки. Сорок лет фельдшерского стажа моим «жарко» обмануть было невозможно.

— Ладно, — сказала она, скользнув взглядом по моим пухлым голым ногам, торчащим из-под края туники. – А штаны где потеряла? Тоже на соседской половине?

Я едва не застонала от обиды.

— Нет, конечно! Это тётя Римма меня напугала, когда я полы домывала. Вот и опрокинула на себя ведро. Пришлось брюки снимать. Но тёть Римма не отцепилась. Говорила, что надо срочно помочь. Вот я и рванула, в чём была. То есть, без брюк, ну, ты меня поняла.

— Я-то поняла, куда деваться. А сосед?

Щёки снова залило румянцем.

— Сосед точно не понял. Ба, там был испанский стыд в полный рост, – простонала я. – Я стояла перед посторонним человеком на четвереньках!

Бабушка опустила очки ещё ниже, посмотрела на меня поверх стёкол.

— На четвереньках? Это интересно. Рассказывай.

— Ничего не буду рассказывать! — я сложила руки на груди.

— И правильно. Про четвереньки я, пожалуй, не хочу знать подробностей.

— Да не было никаких подробностей. Просто я стелила постель без брюк, а тут объявился сосед этот из города. Было неловко. Я пойду, наверное, погуляю. А если кто-то будет спрашивать, не признавайся, что я твоя внучка.

— Интересно как. — Бабушка вернула очки на место. — Ладно. Переодевайся, да разогревай ужин. А то одними разговорами не прокормишься. Надо бы и перекусить.

Я уже повернулась к двери в дом. Как от калитки раздался стук и знакомый мужской голос закричал:

— Девушка в белье, не делайте вид, что вас нет дома.

Я ойкнула и постаралась спрятаться за бабушку. Это было абсолютно глупо. При моём весе, стройная старушка меня не могла укрыть даже на половину. Значит, нужен был другой вариант.

Если сейчас рвануть обратно в дом, то он увидит и будет, ну совсем неловко. Поэтому я одёрнула край туники, которая даже моих пухлых колен с ямочками, как у младенца, не закрыли, и частично спряталась за бабушкой.

— Так я и не дома, а на крыльце, — выкрутилась я.

Мужчина вынырнул из-под ветки яблони и остановился у калитки. Взялся за верх штатника. Открыл рот, моментально оценил обстановку, и обратился уже к нам с бабушкой.

— Здравствуйте, соседи.

— И вам не хворать, — бабушка повернулась в сторону брүнета. — Как я понимаю, внук Людмилы Матвеевны в гости пожаловал?

— Он самый. Меня зовут Артём. Вот пришёл знакомиться.

— Так что же у порога стоять? Поднимайтесь к нам, будем знакомиться.

Бабушка посторонилась, открыв меня взгляду Артёма полностью. Снизу моя туника выглядела ещё короче, а пухлые ноги ещё толще. Поэтому не задумываясь, я кинулась к двери, толкнула её изо всех сил и забежала в дом.

Мокрые брюки спасти меня не могли. Из сухого оставались бабушкины халаты и мои велосипедки, в которых я приехала сюда на вызов по санавиации. А они с длинной туникой смотрелись почти неприлично.

Но не в халат же заворачиваться? Я моментально вспотела и стала пунцовой. Натянула велосипедки и вышла в зал с высоко поднятой головой. Бабушка уже представилась и усаживала гостя за стол.

— Да я не за едой. Мне продукты Римма Ивановна принесла. Я за девушкой. — Он мотнул головой в мою сторону. — Она обещала помощь с постелью, но сбежала, бросив дело на пол дороги. Я стучал в дверь, между половинами дома, но вы уже на крыльце вышли. Вот и пришлось обходить по улице, чтобы найти вас.

— Юль? — бабушка посмотрела на меня с интересом.

— Так и было. Мне просто надо было переодеться.

— Ну, если вопрос с одеждой решён, — Артём скользнул взглядом по моим ногам и едва заметно ухмыльнулся, — предлагаю вернуться к вашим обязанностям по заправке постели.

Меня это зацепило. Прозвучало так, словно он разговаривал с прислугой. А вспомнив сцену на кровати, я снова залилась румянцем.

— Во-первых, Артём, у меня нет никаких обязанностей на вашей половине дома. Я просто помогаю соседке Римме Ивановне. Причём однократно. А, во-вторых, я не горничная, а доктор, хоть и в отпуске. Поэтому давайте как-то поуважительнее.

Лицо соседа удивлённо вытянулось.

— Мне казалось, что я был вполне корректен. Но если чем-то умудрился задеть, приношу свои глубочайшие изменения. А теперь вернитесь и заправьте постель до состояния, в котором на ней можно будет спать.

Сдаваться не хотелось ни при каких обстоятельствах.

— Вы мне не начальник, чтобы приказывать, — ответила я соседу.

— А это я ещё не приказывал. Вы понятия не имеете, как это, трудиться под моим руководством. — Он посмотрел на меня предостерегающе и вкрадчиво продолжил, — я только напо-

минаю вам о взятых на себя обязательствах. Вы же сами пообещали помочь Римме Ивановне. Так исполняйте начатое.

Теперь он вывернулся так, что придаться было не к чему. Идти к соседу категорически не хотелось, но придумать толковую отговорку у меня не вышло. Я перевела взгляд на бабушку, но та подтолкнула меня к выходу.

— Давай, Юль. Раньше сходишь, раньше освободишься. – А потом, лукаво подмигнув так, чтобы видно было только мне, добавила совершенно спокойным голосом, – постель ждать не будет.

Судя по искрам, которые заплясали в глазах Артёма, скрытый подтекст он прекрасно понял. Вполне невинно улыбнулся, и я едва не зарычала от злости.

Заправка

Сводница! Вроде бы вполне разумный человек. Но как только в её радиусе появлялся мужчина без кольца, она тут же представляла меня с ним в ЗАГСе. Бабуля умала, что я феминистка, что я замуж не хочу. А я себя видела в зеркале.

Какой мне замуж? Я же одинакового размера от плеча до плеча и спереди назад. Тумба, одним словом. Она думает, что на меня этот красавчик темноволосый позарится? А с чего это вдруг? У него моделей разобрали или зоопарк светских львиц опустел?

Сердито фыркнув, я двинулась к выходу. Всем видом показывая, как я недовольна идти на половину Сосновских.

— Идёмте, – буркнула я, проходя мимо Артёма. – Только через улицу. Нечего по дому наптыывать.

— Как скажете, – подозрительно легко согласился сосед.

Я вышла на крыльцо, чувствуя на себе взгляд бабушки. Ну, ничего. Вернусь, и всё расскажу про её желание пристроить меня в хорошие руки. Нет таких! Не выдержит меня никто с моим весом и характером.

Почти бегом я скатилась с крыльца и рванула к калитке. Сосед не отставал. Конечно! Этот тренажёрку не пропускает, судя по идеальной фигуре. Это я занимаюсь спортом только по необходимости.

И то, только после сигнала «Юльвасильна! Срочно в двадцатую!». Ну и ем, когда придётся и в основном бутерброды. Потому что на дежурстве не присядешь. Вот вам и бока с щеками и пятой точкой в придачу.

Сосед, словно услышав мой гневный монолог, увеличил скорость. Я почти физически чувствовала его взгляд на своей спине. На тунике, которая сзади была ещё короче, чем спереди. На моих ногах, которые при каждом шаге казались мне больше и круглее.

Я старалась делать вид, что всё нормально. Деловой визит, и не более. Но при этом краснела, потела, и дышала, словно пробежала марафон. Чувствовала себя ланью, убегающей от гепарда. И злилась.

Артём шёл молча. Это было хуже, чем если бы он опять начал отпускать шуточки про сладкие булочки. Так хоть спорить с ним можно было. А чему противостоять, если он молчит? Просто выглядеть истеричкой, да и только.

Мы дошли до соседской калитки. Я поднялась на крыльцо и остановилась.

— Подождите, пожалуйста, здесь, – сказала я, не оборачиваясь. – Я быстро.

— С чего бы это? Я пойду с вами.

Я резко обернулась. Он стоял в двух шагах, и мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

— И зачем вам пыль глотать? Я буду трясти пододеяльники, для здоровья вредно стоять рядом.

— Ничего, как-то справлюсь. Тем более, что здоровье у меня отменное.

— Это вы просто недообследованный. Все без диагнозов, пока к врачам не попадают. Так что, не рискуйте здоровьем. Дышите свежим воздухом на крыльце.

— Спасибо за беспокойство, но я пойду с вами в дом. Хочу убедиться, что вы не украдёте фамильные ценности.

Это было обидно. Я фыркнула, уперев руки в бока.

— Какие ценности? Тут ваша бабушка жила. Я всё тут знаю. Ничего ценного. Не кружевные же салфетки вы собираетесь охранять?

— А почему нет? – ухмыльнулся Артём.

Мои щёки уже полыхали огнём.

— Вы издеваетесь?

— Ни капли, – улыбнулся он. Но глаза оставались серьёзными. – Я не доверяю чужим людям. Не надо подвергать их нестойкую психику соблазнам легко доступного обогащения.

Я скрестила руки на груди. Поймала себя на мысли, что это движение поднимает край туники ещё выше и резко опустила руки. Поняла, что это выглядит глупо и рассердилась ещё сильнее на его наглые приставания.

— Послушайте, Артём, у меня всё время был ключ от этой половины, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Если бы я хотела, украла бы всё ещё до вашего приезда. Вы бы даже не заметили пропажи.

— А у меня самое ценное привезено с собой.

Он развёл руки в стороны, имея ввиду себя. При этом его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на секунду на губах, потом поднялся к глазам. И я снова покраснела. Да куда уж больше-то?

— Вот и спрячьте пока самое ценное в погреб, – отрезала я. – Там темно, сыро. И места много. Как раз пересидите угрозу моего набега. И я вас не украду.

По лицу Артёма скользнула самодовольная улыбка.

— А может, я хочу научиться доверять людям? – он сделал шаг вперёд, и мне пришлось отступить к двери. – Говорят, это полезно для здоровья.

— Для здоровья полезно есть овощи и заниматься спортом, – сказала я. – А доверие к незнакомцам – путь в никуда. Доказательной медициной не подтверждается.

Он рассмеялся. Открыто, громко, с каким-то мальчишеским задором, который совершенно не вязался с его дорогими брюками и высокомерным взглядом. Взъерошил короткие тёмные волосы и хитро подмигнул.

— Идёмте уже, Юля, — он открыл дверь и жестом пригласил меня внутрь. – Будем работать в тандеме. Я буду караулить салфетки и привезённые ценности, – его взгляд стал опасным, – а вы постелите мне постель.

И снова мои щёки обожгло румянцем. Да сколько можно? Они что, сговорились с этим наглым красавчиком? Ладно. Быстрее начну, быстрее закончу. Я рванула в сторону дальней спальни и схватила пододеяльник.

Я невольно задержала дыхание. Здесь пахло так же, как при бабушке Люде: старым деревом, валерьянкой и чем-то сладким из погреба. На стенах висели вышитые крестиком картины. На подоконнике бодро топорила герань. Только очков на столе не было.

Артём встал в дверях, засунув руки в карманы брюк. Ждал, как паук, плетущий ловчую сеть и терпеливо наблюдающий за мухой, кружащей в опасной близости. Мухой была я.

Я подошла к кровати и встряхнула пододеяльник. Он вывернулся наизнанку, как надо. Взялась за углы и замерла. Чтобы взять с низкого пуфика одеяло, мне надо было наклониться стоя спиной к Артёму.

Живо представив, как при этом задерётся туника и оголится моя массивная пятая точка, я едва не застонала от разочарования. А потом посмотрела исподлобья на соседа и жалобно попросила:

— Выйдите, пожалуйста, я ничего красть не буду.

Взгляд соседа стал хищным.

Пододеяльник

Его забавляла ситуация. Артём собирался развлечься. А вот способ ещё нее выбрал. Пока забавлялся со мной. Давил харизмой и внешней привлекательностью. И для усиления эффекта подошёл ближе.

Я выпрямилась и, прикрываясь пододеяльником, повторила:

— Выйдите, пожалуйста. При вас я не буду стелить.

— Почему?

— Потому что... – я замаялась. – Потому что это интимный процесс.

— Заправка постели? – он приподнял бровь. – Серьёзно?

— Для меня – да. Я привыкла заправлять постели в одиночестве. Это моё личное пространство.

— Это моя постель, – напомнил он. – И моё личное пространство. Так что я остаюсь.

Я вздохнула. Поняла, что спорить бесполезно. Решила действовать по-другому.

Я обошла кровать так, чтобы встать к нему передом. То есть лицом. То есть грудью. Чтобы он видел моё лицо, а не то, что будет, под туникой со стороны спины.

И поняла свою ошибку только когда наклонилась. Ведь если нагнуться, ворот тунки оттопыривается. И открывает обзор туда, куда не нужно. Особенно если стоишь к мужчине передом. Особенно если у тебя грудь четвёртого размера, а туника дешёвая, и с широким вырезом.

Я выпрямилась так резко, что хрустнула шея.

— Выйдите, – повторила я сквозь зубы.

— Вы покраснели, – заметил он.

— Это артериальное полнокровие. Бывает. Выйдите. Я не люблю, когда на меня смотрят. От этого краснею.

— Врёте. Ваша бабушка сказала, что вы краснеете, когда врёте. А вы сейчас красная, как помидор.

В такие моменты я ненавидела свою бабушку. И его. И тётю Римму с её рулетом. И этот дурацкий день. И себя, согласившуюся и на помощь.

— Но у меня к вам деловое предложение. Я стою сколько скажете, внимательно рассматриваю стену. А вы ровно через час составляете мне компанию за ужином. Сидите, улыбаетесь, делаете вид, что вам нравится моё общество.

— Что-что? Ну, нет. Вы мне не начальник. Да и он не мог меня заставить с ним ужинать.

— Это бизнес, а не принуждение. Хотя в нём всё состоит из серии взаимных принуждений разной степени жёсткости. Это я вам, как предприниматель говорю.

Теперь в его глаза появился явный намёк.

— А вам какая выгода? – подозрительно уточнила я, пытаюсь выкрутиться из сложившейся ситуации.

— Мне нужно уничтожить три ящика еды, которые принесла Римма Ивановна. А один я с ней вряд ли справлюсь, даже если буду есть с утра и до ночи.

— О, тут вы по адресу. Я вместительная.

Я ждала издевательской тирады по поводу того, что по моей фигуре это заметно. Но вместо этого Артём внимательно, с явно читаемым интересом, оглядел мои формы и улыбнулся.

— Это хорошо, – сказал он. – Я не люблю есть в одиночку. И не люблю, когда девушки смотрят голодными глазами из-за диет. А там любимый бабушкин рулет. Его есть в одиночку преступление и глупость одновременно. И не справишься, и никакого настроения. Так что, Юлия? Я отворачиваюсь, и мы ужинаем вместе?

— Ладно. Уговорили. – я выпрямилась во весь рост и посмотрела ему прямо в глаза. – Отворачивайтесь и стойте так, пока не скажу.

— А если вы украдёте салфетку? – с улыбкой спросил Артём, поворачиваясь к стене.

— Я украду ваш покой, если вы сейчас же не отвернётесь.

Он оглянулся в мою сторону на секунду. Подмигнул. Потом медленно, очень медленно, развернулся к стене.

— Это того стоит. Могу даже две салфетки сверху накинуть. А то здесь мне только покой и грозит. Однообразие до тошноты и природное «ничего примечательного» до комы.

— Так зачем же вы приехали в такое скучное место? Неужели джеты на Мальдивы и Куршевель закончились?

— Если бы. Самый сезон пляжного отдыха!

— Тогда что вас приволокло в этот медвежий угол, окружённый непроходимыми болотами? Неужели экономия бюджета?

Артём искренне рассмеялся.

— Если бы! Я бы нашёл деньги, если бы дело было в них. Но, вы не поверите, я проспори́л отцу отпуск. Думал, что он утащит меня на побережье и заставит сидеть у его ног и слушать длинные монологи о смысле, а ,значит, и её бренности. Но отец придумал шутку изощрённее. Он соорудил мне индивидуальную ссылку.

Я быстро, пока Артём не передумал, наклонилась, подхватила край одеяла. Совместила уголки. Тряхнула. Расправила ткань по всей поверхности. Вжикнула замком нижней молнии, не забывая поддерживать беседу.

— Так уж и ссылку. Здесь вполне комфортные условия. К тому же здесь у вас есть и дом, и такое количество еды, что приходится искать помощников для её уничтожения, а не для поиска по лесам и болтам. Тем более, что в это время года там только кислица, да щавель. Радуйтесь.

— Радуюсь. Разве вы не видите? Просто лучсь счастьем и желанием прожить здесь жизнь.

Это было сказано с явным сарказмом.

— Погодите. Вам еще понравится.

— Это вряд ли. Это вам здесь всё родное и любимое, а мне будет скучно. Я из другого теста.

Я усмехнулась. Это точно. Потому что из теста у нас я. А он из отборного комплекта мышечной ткани. Вот такая между нами разница, как говорил мой одноклассник Дима.

Ещё раз встряхнув одеяло, я ровно расстелила его на простыне. Сверху накинула покрывало. Расправила по поверхности, подоткнула по углам. А потом натянула наволочки.

Взбила подушки и поставила их друг на друга. Сверху накинула кружевную салфетку на деревенский манер. Потом одёрнула тунику, которая задралась выше почти до пояса. Поправила ворот.

— Всё, – сказала я. – можете переставать сканировать стену.

Артём обернулся. Посмотрел на кровать. Картинка была лучше, чем в глянцево́х журналах с рекламой отелей.

— Вы молодец, – сказал он. – Настоящий постельный профессионал.

— Спасибо, – я сделала шаг к выходу. – Теперь я пойду.

— Пойдите, — он преградил мне дорогу. Уверенно встал в дверях. — Вы мне обещали совместный ужин, а значит, приглашаю за стол.

— Нет. – Теперь пришла пора мне хитро улыбаться. – Это я приглашаю вас на ужин. Мы не оговаривали место. На нашей половине мне будет сподручнее готовить.

— Ну мы так не договаривались, Юля.

— Так мы и по-другому не договаривались. Чётче формулируйте техническое задание. А если ТЗ нет, то и результат ХЗ. И ещё вы упоминали жёсткое принуждение в бизнесе. Так что берите свою еду и приходите к нам.

Взгляд Артёма из сердитого стал заинтересованным.

— Ну, хоть носить будем через дом? – попытался торговаться он.

— Через мою спальню? Это вряд ли. Так что, обходите кругом. – Я посмотрела ему в глаза и решила схулиганить. Прикоснулась к бицепсу, преградившем мне путь и заговорила так, как беседовала с детьми. – Вы такой сильный мужчина. Вы справитесь. Я в вас верю.

А потом выскользнула в сторону выхода. Вслед мнее раздалось свирепое рычание и яростное:

— Ты об этом пожалеешь.

Ужин

Сосед чувствовал себя неуютно. Он делал вид, что его всё устраивает, но сидел на краю стула и руки периодически сжимал в кулаки. Было ощущение, что он готов был в любой момент сорваться и убежать.

Бабушка кружилась вокруг него с энтузиазмом свахи, увидевшей первого за весь год потенциального жениха. Я злилась. Мало того, что этот богач издевался надо мной, не давая выполнить просьбу соседки, так ещё и заставил ужинать с ним.

— Да вы накладывайте себе побольше, Артём, – ворковала бабушка. – Не стесняйтесь. У нас тут всё натуральное, без красителей и консервантов.

— Спасибо, всё очень вкусно. Я просто не привык к такому разнообразию. Да и с напряжённой работой есть не успеваю. А у вас не просто ужин. Здесь настоящий банкет, – стараясь ещё сильнее отодвинуться от стола, ответил Артём.

Салат из сныти и черемши он рассматривал с таким ужасом, будто перед ним поставили жабу на блюде. Плохо скрываемая брезгливость читалась в каждой морщинке на его идеальном лице насмерть уставшего человека. С такими кругами под глазами, как у меня после дежурства.

— Да ладно вам, – подзадоривала я Артёма, с трудом сдерживая улыбку. – Это та же спаржа по вкусу. Кстати, она ещё называется аспарагусом. Цветочек такой комнатный с маленькими листочками. В школах их, ну просто в каждом кабинете. И почему ученики их не объедают? Ума не приложу.

Артём перевёл злобный взгляд с салата на меня. Потом снова на салат.

— У спаржи нет вкуса крапивы.

— В салате нет крапивы. Там сныть и черемша.

— Черемша пахнет чесноком.

— Ну вот видите, – я кивнула. – Уже знаете, чем пахнет. Съедите – ещё и вкус запомните. Возможно, навсегда. Потом на каком-нибудь светском рауте скажете что-то типа «да вы знаете, через что менее пришлось пройти? Я сныть ел и черемшой закусывал!». Угощайтесь, не стесняйтесь. Бабуля Тоня ещё для вас приготовит и с собой даст.

Артём решительно мотнул головой и придвинул к себе принесённые с собой блюда. Он особенно налегал на мясной рулет и томлёную в сливках картошку. Бабушка смотрела на это с материнской нежностью.

В её мечтах Артём был чем-то средним между заморской диковинкой, выздоравливающим пациентом и моим несуществующим женихом. А во мне он будил только мстительное желание отвадить от нашего дома окончательно.

— Компотуку из ревеня? – я пододвинула к соседу высокий стакан с зеленовато-серой жидкостью. – Бабуля, подлей Артёму. Сплошные витамины. Городским без витаминов нельзя. Без них никакой мотивации и показателей эффективности.

— А вы откуда о них знаете? Неужели областная детская больница стала настолько прогрессивным местом?

— Что вы, это у меня на втором месте работы такое разнообразие системы поощрений и наказаний.

— Реаниматолог работает на двух работах? – Артём недоверчиво прищурился.

— Разумеется. Про нас даже поговорка есть «Врачу на одну ставку есть нечего, а на две – некогда». Вот я в стационаре на полторы ставки, и в частном центре на половину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.